

Попытки преодоления последствий «войн памяти» или их разжигание?

Встреча в Брауншвайге и полемика с г-ном Шнирельманом на заседаниях, а также после окончания встречи выявили ряд проблем, которые следует обсудить, потому что без их решения невозможно будет вести продуктивную работу по преодолению последствий «войн памяти». Следовательно, мы сочли нужным еще раз вернуться к этим вопросам. Мы постараемся последовательно ответить на соображения г-на Шнирельмана, ограничившись вопросами учебников и связанными с ними научными проблемами (хотя наш уважаемый коллега уделяет учебникам меньше всего места), и не коснуться таких «актуальных тем», каким является, например, деятельность грузинских бизнесменов в России.

Г-н Шнирельман не согласен с нашим замечанием насчет «наделения *другого* негативными чертами» как обязательного элемента «национальной идеи», но сам же уточняет свои слова, отметив что «наделение Другого негативными чертами вовсе не обязательно». Как раз об этом мы и писали, прекрасно зная «азбучную истину культурной антропологии», состоящую в том, что этническая «идентичность строится по оппозиции к Другому и иначе строиться не может», но зная и то, что это не подразумевает в обязательном порядке представлять его в негативном плане. Что касается того, что мы «скрыли» от собравшихся, «что именно в этой сфере достигнуто в Грузии и каким образом», об этом говорилось в обоих докладах, в чем нетрудно убедиться, ознакомившись с текстами, размещенными на сайте. Кроме этого, о достижениях в этой сфере и существующих в грузинских учебниках истории проблемах неоднократно писали наши грузинские и иностранные коллеги, занимающиеся проблемами учебников (об этом речь пойдет ниже). Пути и модели избежания наделения *другого* негативными чертами разрабатывались в странах западной и центральной Европы на протяжении многих лет, и мы уверены, что г-ну Шнирельману они известны. Грузинские историки внимательно следят за этим опытом, что и отразилось на динамике развития учебников. Другое дело, если на встрече этому вопросу было уделено не так много внимания, как хотелось бы и нам тоже, так как это – одна из важнейших проблем на пути преодоления конфликтной памяти.

Наше замечание о соблазне универсализации тоже остается в силе. Его и на этот раз не избежал уважаемый коллега, заявив, «на примере российских учебников», что «государственные указы об образовании и Национальных учебных планов, декларирующих всевозможные позитивные намерения ... нередко входят в противоречие с имеющей место практикой. Поэтому одной ссылки на такие указы оказывается недостаточно. Важнее проанализировать тексты учебников и практику учебного процесса, где можно встретить реализацию совершенно иных установок и принципов». Именно потому, что главное – анализировать конкретные учебники и учебный процесс, и возникает вопрос: насколько валидны заключения, сделанные на основании изучения российских учебников, по отношению к грузинским, с которыми автор не знаком? Хотя доклад г-на Шнирельмана и назывался «Полезные мифы? Школьные учебники истории и национализмы в Центральной Азии и *на Кавказе*» (подчеркнуто нами – Н.Ч. и К.К.), в нем не было названо ни одного учебника, проанализированного автором. Сколько бы не разъяснял уважаемый В. Шнирельман, что его рекомендации не претендуют на универсальность, одна из них подходит одной стране, другая – другой, но все это очень напоминает хорошо знакомые не с очень давних времен рекомендации, исходящие из «центра» и предназначенные для всего «единого» пространства. Но «центра»-то больше нет, да и пространства тоже, так что эти рекомендации и поучения висят в воздухе, разве только подливая масла в огонь, разжигая конфликтную память.

Еще одно заключение уважаемого коллеги, сделанное неизвестно на каком основании: «Удивляет стремление моих оппонентов отрицать хорошо известным специалистам факт, что национальный миф, «как правило, не обходится без образа векового врага». Вставленный здесь оборот «как правило» означает, что имеются и исключения. **Однако к таковым вряд ли можно отнести современные грузинские учебники**» (подчеркнуто нами – Н.Ч. и К.К.). Естественно, повторяется тот же вопрос: на основании ознакомления (не говоря об анализе) с какими именно грузинскими учебниками делается такой вывод? Если г-н Шнирельман исходил из доклада К.Какителашвили, то напомним, что в проанализированном в этой работе учебнике речь идет о негативных последствиях политики российской империи на Кавказе, а не о русских, как о вековых

врагах грузин. Думаем, различие тут большое. Конечно, ассимиляторскую политику царизма, целенаправленно проводимую в 19-м веке (об этом говорилось даже в учебниках советского периода, создававшихся в Москве) невозможно и не нужно рассматривать в позитивном плане. Но вместе с тем, учебник 12-го класса старается представить учащимся две стороны российского правления, давая им следующее задание: «Оцените результаты сношений Грузии с Россией в 1801-1918 годах. Был ли этот период в истории Грузии отмечен только негативными последствиями, или позитивными тоже?» Тут же приведены факты, отражающие позитивные моменты, например, в сфере образования и культуры.¹ Разве так излагаются факты и ставятся вопросы по отношению к «вековым врагам»? И можно назвать это «опасной универсализацией»? Г-ну Шнирельману, должно быть, хорошо известно, что мифологизированная версия истории, основанная на концепции векового врага, не терпит (как правило!) альтернативного видения этого врага. Думаем, что нужно больше корректности, выдвигая такого рода обвинения учебникам, будучи незнакомым с ними.

«Отрадно, что одна из моих оппонентов в своем выступлении нашла нужным принять мое четвертое предложение о том, что «нельзя ограничиваться историей титульного народа, а нужно давать представление об истории всего общества, включая этнические меньшинства», пишет г-н Шнирельман. Хотелось бы отметить, что это не предложение Шнирельмана, с которым можно или нельзя было бы согласиться, а вопрос о включении меньшинств (не только этнических) в историю общества, соотношения истории страны и мировой истории активно обсуждается в разных странах мира. Эпоха глобализации и передвижение огромных масс мигрантов, проблема их интеграции в принимающее общество актуализировали этот вопрос. Из новой научной литературы, отражающей полемику по названному вопросу, можно назвать прекрасную книгу Margaret Macmillan. *The Uses and Abuses of History*. Profile Books, 2009, и конечно, многие другие. Грузия исторически сформировалась как страна с этнически, конфессионально и культурно разнообразным населением. Путь, пройденный грузинской научной историографией до осознания необходимости отражения меньшинств в историю страны, не особенно отличается от историографической традиции других стран – не только тех, которые когда-то входили в состав той или иной империи, но и самих колониальных государств. Начиная со второй половины 90-х годов прошлого века, проблемы истории меньшинств и отражения их в учебниках истории, также как и другие вопросы, касающиеся отношения к прошлому, развитию исторической мысли и исторического нарратива в Грузии обсуждается историками Грузии и их зарубежными коллегами. Их работы не раз публиковались в различных изданиях не только в Грузии и не только на грузинском языке.² Отметим, что если бы рекомендации г-на Шнирельмана основывались на знании грузинских учебников, их динамики и оценок, данных этим процессам специалистами как Грузии, так и других стран, которые владеют языком и им доступны как грузинские варианты, так и их переводы, спорных вопросов между нами было бы меньше, а полемика была бы более продуктивной и конструктивной.

Еще раз о сокращении нарратива и предложении уважаемого коллеги «не доводить повествование до самых последних лет. Пусть учащиеся сами без подсказки учебника постараются оценить то, что происходит у них на глазах». Давайте подумаем о том, что было бы лучше и полезнее – проигнорировать в учебниках августовскую войну 2008 года, или подтолкнуть учащихся к рассмотрению этого факта в более широком контексте, как часть российской (и глобальной) политики, а не как проявление «неизменно враждебного» отношения русских к Грузии? Имея в виду эмоциональный фон в стране, ученик самостоятельно дойдет скорее ко второму заключению. Тут же хотелось бы напомнить г-ну Шнирельману собственные слова: «Не стоит замалчивать неприятные моменты истории, так как в противном случае о них все равно напомнит социальная память или альтернативная история», тем более, что тут в дело вступают еще индивидуальная память и индивидуальный опыт.

---

¹ *История Грузии и мира*. Н.Ахметели, Н.Мургулиа. XII класс, Тбилиси: Диогене, 2008, 34.

² См. напр., S.F.Jones. "Old Ghosts and New Chains. Ethnicity and memory in the Georgian Republic," in: R.S.Watson (ed.). *Memory, history and opposition under state socialism*. University of Washington Press, 1994. S.E.Cornell. *Small nations and Great Powers. A study of ethno-political conflicts in the Caucasus*. Curson, 2001 и др.

По словам г-на Шнирельмана, его заявление о том, что «в 1990-х гг. в грузинских школах начали преподавать историю по версии П.Ингороквы», вовсе не означают, что так произошло во всех без исключения школах и что в каких-то школах не преподавались иные версии.” Если бы уважаемый коллега был знаком с практикой преподавания истории в школах Грузии в 90-х годах, ему было бы известно, что «история по версии Ингороквы» могла преподаваться или во всех школах, или ни в одной из них, так как тогда существовали не только общая система образования и централизованные, общие для всех школ программы (что и сейчас так), а еще не было по несколько учебников в одном классе, из которых школа и педагог выбирают одного. Говоря о том, что данная теория, «если она и излагалась, то только в качестве одной, но не единственной из существующих точек зрения», мы имели в виду не школьные учебники, а научную продукцию. Рассуждая о преподавании истории по «версии Ингороквы», г-н Шнирельман так и не называет ни одной книги, на которую он опирается, делая это заявление. Он только сожалеет: «оппоненты не нашли нужным ознакомиться с моими книгами, опубликованными несколько лет назад и доступными как на русском, так и на английском языке. Ссылки на эти книги даны в моей работе, и именно там заинтересованный читатель мог бы найти исчерпывающее изложение интересующих его вопросов с обширной библиографией». И что же отражает эта обширная библиография – работы, подтверждающие, что в школах преподавалась история по версии названного ученого? При том, этих работ так много, что их «невозможно было дать в краткой обобщающей статье»?

Что же касается Давида Куропалата, то, в качестве исключения, г-н Шнирельман назвал-таки одну работу (ведь оказалось, что в названном им ранее работе М. Д. Лордкипанидзе и Д. Л. Мухелишвили вопрос о Тао-Кларджети излагается совершенно иначе, а не так, как его интерпретировал уважаемый коллега, вырвав из контекста), но что делать, если и в этой работе академика Г.Меликишвили вопрос изложен так же, как у вышеназванных авторов?

Еще раз отметим, что тонкие вопросы, к числу которых относится и ныне рассматриваемые, требуют более тонкого отношения со стороны ученых, ставящих себе целью преодоление конфликтной памяти.

Г-н Шнирельман, в связи с докладом К.Какителашвили, заявляет, что она «сочувственно цитирует грузинский учебник (вспомним, что он признается позитивным плодом реформы 2004 г.), где в отношении абхазов говорится об «историческом существовании этого народа на грузинской территории», и что она стремится «навязать агрессору и жертве равную ответственность за разрушительную войну». Отметим, что целью доклада было освещение существующей в учебниках картины. В соответствии с целью, в докладе приводятся многочисленные цитаты, дающие читателю возможность отчетливо увидеть, где кончаются изложенные в учебниках положения и начинается позиция автора. Так что, говоря о «сочувственном цитировании грузинского учебника» или «навязывании ответственности кокой-либо из сторон», было бы желательно привести хотя бы цитату из авторского текста. В противном случае, остается впечатление, что это – предвзятое отношение г-на Шнирельмана, не имеющее реального основания.

Что же касается положения грузинского учебника об историческом существовании этого народа (абхазов) на грузинской территории, следует сказать, что тут говорится о территории Грузии (*საქართველოს ტერიტორია*), т.е. о государственной территории, а не о грузинской территории (*კარტული ტერიტორია*), т.е. о территории, принадлежащей грузинскому этносу. Как тут не вспомнить высказанную на конференции точку зрения, что желательно (может, даже обязательно) знание языка, на котором созданы исследуемые учебники (к сожалению, в данном случае ничего не изменило бы знание разве только абхазского языка, так как учебник создан на русском). Аналогия же с Россией («Интересно, как бы отреагировали мои уважаемые оппоненты, если бы в российском учебнике было написано, что в 19-20 вв. грузины жили на российской, а затем на советской территории?») вообще неадекватная и для того, чтобы понять это, глубокого знания истории не требуется.

Уважаемый оппонент проявляет последовательность, уже в который раз не указывая на источник, заявляя, что «вплоть до последних десятилетий 19 в. абхазы составляли подавляющее большинство населения на территории Абхазии». Вот только интересно, известные ему источники отражают такую реальность и после мохаджирства, подстрекаемого Российской империей после присоединения Абхазского княжества и Северного Кавказа? И еще, хотелось бы спросить у г-на Шнирельмана: если количество осетин, проживающих на территории будущей Южно-Осетинской

АО, было в начале 20-го века не такое уж впечатляющее³, то, по его логике, они имеют меньше права жить там сегодня?

«Если мои оппоненты сомневаются в том, что в течении 20 в. в грузинской историографии осетин было принято изображать кровожадными варварами, устраивавшими набеги на мирные грузинские села и противоправно претендовавшими на исконные грузинские земли, то остается порекомендовать им ознакомиться с обобщающими произведениями по истории Грузии, издававшимися грузинскими историками во второй половине 20 в. Похоже, что под «историографией» мои уважаемые оппоненты понимают только издания, вышедшие после реформы 2004 г. Однако в памяти и абхазов, и осетин сохранились и более ранние публикации», пишет В. Шнирельман. Придется его разочаровать: мы с гордостью осознаем, что грузинская историография не берет начала с 2004 года, более того, хотелось бы напомнить уважаемому коллеге, что она существовала задолго до второй половины 20-го века, и хотя бы поэтому распространять ту или иную тенденцию (если бы она даже существовала) на всю историографию, мягко говоря, неправомерно. Рекомендация о том, что мы должны ознакомиться с трудами грузинских историков второй половины 20-го века, чрезвычайно полезная, г-н Шнирельман, конечно, знаком с этими «обобщающими произведениями» (они, наверно, издавались на русском, английском и других языках тоже, которыми владеет уважаемый коллега), но почему-то он не называет ни одного из них. В каком конкретно «обобщающем произведении» какого грузинского историка осетины называются «кровожадными варварами»? Тем более, таких работ, оказывается, много, нельзя ли назвать хоть одну, чтобы не искать их в обширных библиографиях его многочисленных трудов, к которым он нас все время отсылает? Если очень постараться, выражений и покруче можно найти в **прессе** конца 80-начала 90-х годов: в грузинской – по отношению к осетинам, в осетинской – по отношению к грузинам. Но ведь это – не «произведения грузинских историков»? Зачем же их нарочно путать? И при чем здесь учебники истории? Или это один из рецептов преодоления «войн памяти»? Хотелось бы напомнить г-ну Шнирельману, что этот вопрос тоже относится к числу тонких тем (как и теория Ингороква), и такие ошибки могут привести к гораздо более тяжелым последствиям, чем простая профессиональная пренебрежительность, на которую иногда и не стоит обращать особого внимания.

«Заметка армянского автора в грузинской газете», приведенная в докладе Н.Чиковани и так сильно не понравившаяся г-ну Шнирельману, отражает позицию тех армянских эмигрантов, которые поддерживали идею кавказской конфедерации, а не «позитивное отношение *всех* армян к этому проекту», как пытается приписать автору г-н Шнирельман. И это четко отмечено в докладе. Г-н Шнирельман советует рассмотреть «гораздо более показательные случаи Горской республики и Закавказской федерации». Но ведь в докладе речь идет об эмигрантском нарративе, при чем тут названные Шнирельманом два образования? Зачем вводить читателя в заблуждение? Что же касается следующего совета щедрого на советы коллеги – «было бы полезно проанализировать причины, по которым эти проекты оказались нежизнеспособными», то этому посвящены несколько работ Н.Чиковани, опубликованные в 2005-2009 годах, а также представленные на различных конференциях. А продолжение абзаца и вовсе непонятно: «И такое избирательное отношение к источникам является типичным для национальной историографии. Именно это и имеют в виду аналитики, говоря о конструировании истории». О какой именно национальной историографии идет речь? Или о всех вместе? Или же «национальная историография» - имя нарицательное? А представителем какой «не-национальной историографии», не «позволяющей неоднократно переписывать историю», является сам уважаемый коллега?

Г-ну Шнирельману кажется «фактографической ошибкой» мнение Н.Чиковани о том, что Конфедерация (горских) народов сыграла неблагоприятную роль в кавказских конфликтах и этот негативный опыт остался в коллективной памяти кавказских народов. Он почему-то опустил следующее предложение: «В последующем к идее единства относятся гораздо более осторожно и скептически». Это своевольное отношение к контексту проявляется в который уже раз: наш оппонент не может привести аргументов против высказанного в последнем предложении мнения и подтвердить популярность идеи конфедерации, и пытается перевести разговор на другую тему,

³ См.: Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г. Тифлис, 1893; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. СПб., 1905.

требует уточнения: «О каких именно народах здесь идет речь?» Уточним: о всех, и если это не так, уважаемый коллега мог бы назвать источники, опираясь на которые можно заключить, что эти народы «с благодарностью вспоминают» о Конфедерации. А выступлений и статей представителей народов Северного Кавказа, сожалеющих о том, что посредством Конфедерации их втянули в авантюру, очень много. И еще, для уточнения: не все кавказские народы входили в Конфедерацию, а только 16 (как известно, народов Кавказа гораздо больше). Организация же первоначально (в 1989, на I съезде в Сухуми) была создана как «Ассамблея горских народов Кавказа», потом (в 1991, на III съезде в Сухуми) превратилась в «Конфедерацию горских народов Кавказа», а еще позднее (в 1992, на чрезвычайном заседании в Грозном) – в «Конфедерацию народов Кавказа». Часть северокавказских народов получила лишь статус наблюдателя. Для более подробного ознакомления с историей Конфедерации можем предложить нашему коллеге следующие публикации: Who's afraid of Yusup Soslambekov? By Miriam Lanskoj, in *Central Asia-Caucasus Analyst*, 09.27.2000; Гаджиев К. С. Геополитика Кавказа. М., 2001; Червонная С. Абхазия-1992: Посткоммунистическая вандея. М., 2006; Чиковани Н. Религия и культура на Кавказе. Тбилиси, 2005 (с пространным английским резюме) и др.

Дальше В. Шнирельман переходит к политическим оценкам: «Ведь в 1992 г. Конфедерация реально помогла абхазам в отражении агрессии (и этим занималась отнюдь не узкая группа интеллигенции)». Действительно, узкая группа интеллигенции не «помогала абхазам» сама, а мобилизовала часть молодежи для участия в войне. Но это совершенно не меняет положения дел в том смысле, в котором в докладе говорится о Конфедерации: «Конфедерация пользовалась поддержкой центральных властей России. Российские средства массовой информации представляли дело так, как будто речь шла о реально существующем образовании со своим парламентом, президентом, вооруженными силами и другими атрибутами государственности. Игнорировался факт, что это была лишь попытка определенной части интеллигенции Северного Кавказа осуществить некий проект государственного устройства, который, впрочем, был оторван от действительности. Конфедерация не имела ни малейшую степень легитимности, официального мандата, полученного путем выборов».

И дальше – опять непонятное обвинение: «Автор изящно обходит вопрос о том, кто именно сыграл «неблаговидную роль», переведя конфликт в русло военной агрессии». Никакого изящества не требовалось для того, чтобы сказать: «Конфедерация успела сыграть неблагоприятную роль в кавказских конфликтах». Кто же еще именно? – Конфедерация, которой официально руководил сначала Муса (Юрий) Шанибов – бывший комсомольский и партийный активист, к моменту основания Конфедерации – преподаватель Кабардино-Балкарского университета, а потом (с 1996 г.) – Юсуф Сосламбеков, который гордился тем, что посылал Шамиля Басаева и других боевиков в Абхазию воевать против грузин, поддерживал влияние служб российской безопасности на Конфедерацию, а в дальнейшем был убит в Москве (в 2000 г.).⁴

К счастью, в научных кругах Грузии уже давно не принято писать восхвалительные статьи, посвященные «светилам», владевшим истиной и щедро делившимся ею с теми, кто еще не достиг таких вершин. Зато считается вполне нормальным признавать собственные ошибки, знакомиться с опытом других, тем самым способствуя продвижению вперед.

Также к счастью, немало иностранных специалистов – историков, политологов, антропологов, культурологов – занимаются проблемами истории Грузии и в целом Кавказа, вопросами преподавания истории, динамикой процессов в этой области. Они отмечают недостатки и просчеты, предлагают возможные варианты улучшения положения. Владение языком облегчает им задачу, тем не менее, их заметки всегда конкретны, в них не перемешаны время и пространство, авторы и их работы. Самым свежим примером такого отношения к делу может служить статья ранее названного нами Оливера Райснепа “Interpreting the Past – From Political Manipulation to Critical Analysis?” в *Caucasus Analytical Digest*, 17 July, 2009.

Кстати, сами грузинские авторы не менее критичны к себе и друг ко другу, не говоря уже об отношении к политической элите (см. статью Георгия Майсурадзе *Time Turned Back: On the Use of History in Georgia* в том же выпуске Кавказского аналитического дайджеста, а также L.Gigineishvili. “Post-reform history textbooks in Georgia: changing patterns and the issue of minorities in Georgian history,” in: *History Teaching in Georgia: representation of minorities in Georgian history*

⁴ См.: Who's afraid of Yusup Soslambekov? By Miriam Lanskoj, in *Central Asia-Caucasus Analyst*, 09.27.2000.

textbooks. CIMERA, Geneva, February 2007). А политическое руководство страны не вмешивается в оценку учебников, не создает президентских комиссий «по фальсификации исторического наследия, под руководством главы администрации, с участием представителей МИДа, ФСБ, СВР, Совбеза и других государственных органов».⁵

Г-н Шнирельман считает, что государственных указов об образовании и Национальных учебных планов недостаточно, так как «к сожалению, в современном обществе такие благие пожелания нередко входят в противоречие с имеющей место практикой». Но что же говорить тогда, когда нет даже декларированных «благих пожеланий и позитивных намерений»? «Важнее проанализировать тексты учебников и практику учебного процесса, где можно встретить реализацию совершенно иных установок и принципов», советует уважаемый коллега. Но если он этим не занимался и с результатами работы тех, кто анализировал учебники и практику учебного процесса в Грузии, не знаком, то на каком же основании он заключает, что там «можно встретить реализацию совершенно иных установок и принципов»?

Естественно, никто не считает, что грузинские «учебники, опубликованные после 2004 г., моментально изменят ситуацию», или же они не нуждаются в дальнейшем усовершенствовании. Как отмечалось выше, специалисты, занимающиеся проблемами учебников и преподавания истории, сами авторы, педагоги, ученые активно обсуждают недостатки. Так например, в течении текущего года было проведено несколько встреч – в одном случае под инициативой Центра национальных учебных планов и оценки, в другом – Университета Грузии, в третьем – Института мира, развития и демократии. Опубликовано несколько интересных статей, часть которых мы назвали выше. Кроме этого, интересную работу ведет организация ЕвроКлио Грузии, в частности, группа историков – ученых и преподавателей общеобразовательных школ, в том числе представителей регионов с компактно расселенными национальными меньшинствами – работает над учебными материалами, которые еще полнее отразят спорные и наиболее важные вопросы истории страны и помогут развить критическое мышление, толерантное отношение к этническому, культурному и религиозному разнообразию, терпимость и уважение к различной точке зрения. В семинарах, регулярно проводимых под эгидой названной организации, наряду с представителями Грузии, принимают участие специалисты из Великобритании, Турции, Германии, Голландии, которые делятся опытом – как позитивным, так и негативным. Но это не означает, что не следует отмечать позитивные сдвиги, достигнутые на данном этапе.

Именно поэтому мы убеждены в значении июльской встречи в Брауншвайге и приветствовали бы обсуждение вопросов, связанных с учебниками вместе с немецкими и другими коллегами в любом формате.

---

⁵ Указ Президента Российской Федерации о Комиссии при Президенте по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. 15.05.2009, № 549. См. также: «Независимая газета», 2009-08-19.